

8.07.04
Русский курьер - 2004 - 8 июля - с. 16-17

Нахапетов Родрион

8.07.04

Главная тема

«Европейскому режиссеру трудно в Голливуде»

Валерия ВАЛЬЦОВА

— Родион Рафаилович, в последние годы вы все чаще стали бывать в России. Кино увлекло вас в США, кино же все время возвращает вас на родину. Знаю, что сейчас вы снимаете очередную свою картину — четырехсерийный телефильм под названием «Моя большая армянская свадьба». Почему взялись именно за этот сценарий? Наверняка у вас было немало предложений после успеха сериала «Русские в Городе ангелов».

— Кроме того, что мне предлагают, предлагаю и я тоже. Но почему-то с моими сценариями все хотят пока повременить. А сценарий «Моей большой армянской свадьбы» мне очень понравился. Он смешной, живой, а кроме того, в центре сюжета — история любви. Эта тема постоянно проходит через все мои фильмы: не только актерские, но и режиссерские тоже. Название будущего фильма пока условное. Оно мне нравится, но очень уж напоминает название известного американского фильма. Я очень рад, что здесь помимо известных актеров — Армена Джигарханяна, Натальи Андрейченко, Марата Башарова и Марии Шукшиной, снимаются молодые герои — Эльвира Болгова и Микаэл Джанибекян. Для меня это дорогой проект еще и потому, что в Ереване я нашел своих родственников по отцу, побывал на его могиле. Я его совсем не знал, так как он не жил с моей мамой. Раньше отец был для меня чужим человеком, и сейчас я его для себя открываю, узнаю, каким он был. В то же время я открываю для себя и Армению, которая является в некоторой степени моей родиной, хотя я там никогда не жил, но все-таки мои корни оттуда. Я испытываю особое волнение, когда хожу по холмам Араратской долины, смотрю на известный всем силуэт Арарата. Это трогательное и волнующее свидание с Арменией.

Родион Нахапетов с любимой женой Наташей

— В вашей речи уже чувствуется легкий американский акцент.

— Правда? Вообще-то я все чаще бываю здесь из-за постоянных съемок, так что надо мне уходить от американского акцента, ведь я играю роли русских людей.

— Сложно ли вам было учить новый язык, ведь вы приехали в США уже не в юном возрасте?

— Конечно, мне было очень трудно, потому что мои институтские знания были недостаточны и поверхностны. Первый год меня не покидало ощущение, что все не говорят, а тараторят, не договаривая слогов. Для того чтобы познать язык, надо общаться с людьми, смотреть телевидение, слышать, как говорят различные слои их общества, например (никого не хочу обидеть), латинос или черные.

— Помните, как в первый раз пришли в американский магазин за продуктами?

— Сначала если я не знал, как по-английски называется тот или иной продукт, то про-

сто его не покупал. Брал лишь то, что мог назвать, — молоко, хлеб, масло. Большие сложности возникали из-за особенности американской торговли: на любой товар, который ты покупаешь, в США существует налог — такс, который не входит в его указанную на ценнике стоимость. Я собирался купить себе рубашку за 15 долларов, вынимал на кассе деньги,

скими актерами, то тоже сначала боялся, что у меня не хватит знания языка, что я не смогу им объяснить задачу, но, оказалось, что все решается очень просто: если мне не хватало слов, я показывал им сам, а они тут же схватывали рисунок роли. Так что в профессиональном плане не было никаких трудностей.

— Америку называют страной

— А вы поменяли советский паспорт на американский?

— У меня так называемая «грин карт», разрешение на работу. А гражданство осталось, конечно, российское, иначе сложно было бы здесь передвигаться и работать.

— Помню, во время путча 1991 года Андрей Кончаловский миглом вскочил в самолет и улетел за границу, боясь, что снова

роль Станислава Любшина предназначалась Тому Хэнксу?

— Это действительно так. Я показал Хэнксу свой фильм, и актер очень им заинтересовался. Ему хотелось сыграть эту роль — такого потерянного чудака, который хочет помогать природе, людям. Но пока мы писали сценарий, он уже снялся в «Форресте Гампе». Мне позвонила продюсер и сказала:

Я в свое время играл Ленина, а для этой роли меня так перелопатили, что мама родная не узнала. Волосы сбрили, брови удалили, в нос вставили пробки, на веки наклеили вату, чего только не делали. Когда начались съемки, мне было всего 19 лет, конечно, разве я мог отказаться от этой роли! Думаю, что и сейчас любой приличный артист согласился бы сыграть Ленина, потому что играть историческую личность всегда интересно. Ведь это особые люди, непохожие на тебя, интересно ведь прочувствовать, как они мыслили в предлагаемых обстоятельствах. Для моей мамы, которая в годы войны была подпольщицей, моя работа над образом Ленина была большой радостью.

а с меня требовали уже не 15, а 17 долларов. Я удивлялся и начинал долго выяснять, почему и как. А при покупке какой-нибудь дорогостоящей вещи эта сумма вырастала весьма значительно. Сперва я терялся. Когда работал с американ-

эмигрантов. Много там и наших бывших соотечественников. Правда ли, что ностальгия — это наше национальное чувство?

— Приехав на жительство в Штаты, люди в основном группируются по национальному признаку. Именно потому, что, уезжая, они не отрываются от своей культуры, редко кто ассимилируется полностью в Америке. Русские все равно тянутся друг к другу, ходят в православную церковь, встречаются в клубах. Сейчас, когда легко стало ездить и туда, и обратно, не случайно тот же Михаил Шуфутинский, Лена Соловей, в том числе и я, стали частыми гостями России. Поэтому нет такой ностальгии, которая была у тех эмигрантов, которые оставили страну в годы революции, ведь им возвращение было заказано. Ощущение, что Россия отрезана навсегда, и рождает тоску по родине. Сейчас же многие даже не становятся гражданами другой страны, но живут там, покупают, например, яхты и дома в Канне. Кто они, французы? Да нет, они русские.

упадет «железный занавес» и его больше не выпустят оттуда. А вы не боитесь, что границу перекроют и вы останетесь навсегда в России или, наоборот, не сможете больше сюда въехать?

— Я этого не боюсь. Если уж судьбе будет так угодно, то я примирюсь с ней. Главное, чтобы меня не разлучили с моей женой Наташей Шляпниковой. Если мы будем вместе, то все снесем, а разлука с Наташей для меня мучительна. Но мне даже в самые темные дни не приходила в голову мысль, что опять могут перекрыть границу. Это уж слишком странно. Но, так или иначе, я все же русский человек и предпочел бы уж тогда остаться в России. Хотя Америка стала для меня тоже близкой страной, потому что я там много работал, там живет моя Наташа, моя младшая, приемная дочь Катя, там у нас дом в Лос-Анджелесе. Я тоже не могу это отсечь. Это большая часть моей жизни, все-таки 15 лет я там прожил.

— Правда ли, что вы чуть не сняли американский ремейк своего знаменитого фильма «Не стреляйте в белых лебедях», где

«Вы видите, что происходит? Хэнкс теперь точно откажется от нашего предложения, ведь он только что сыграл похожую роль». Так и случилось. Поэтому, написав американскую версию сценария, мы не пошли дальше: раз нет героя, то нет и смысла работать над фильмом.

— Вообще сложно ли достучаться до таких мегазвезд, как Том Хэнкс?

— Очень сложно. В Америке ведь так же, как и здесь, нужны связи, личные контакты. Звезда должна быть заинтересована в данном материале. Она становится локомотивом, который тянет весь проект. У нее есть представляющее агентство, которое и начинает «сбивать» пакет, то есть подбирать команду партнеров и режиссеров. Все вопросы согласовываются со звездой, но не со студией. Студийное руководство как раз ничего не решает, а лишь обеспечивает тебя всем необходимым для съемок. Поэтому достучаться, конечно, очень трудно, особенно европейскому режиссеру. В Голливуде бытует настороженное от-

В свою картину «Русские в Городе ангелов» Нахапетову удалось заманить многих голливудских звезд

Первый раз в первый класс: Родина Нахапетов с матерью — учительницей Галиной Прокопенко

Актер, режиссер, сценарист и продюсер Родион Нахапетов родился в 1944 году в городе Пятихатки Днепропетровской области. Его настоящее имя — Родина. Мама, партизанка-разведчица, назвала его в честь партизанского отряда, в котором воевала. Впоследствии имя трансформировалось сначала в Родин, а потом и в Родион. Окончил актерский и режиссерский факультеты ВГИКа. Дебютировал в фильме «Застава Ильича» (правда, в титрах назван как Р. Ногопатов). Снимался в картинах «Живет такой парень», «Сердце матери», «Нежность», «Влюбленные», «Раба любви», «Не стреляйте в белых лебедей», «Торпедоносцы». Поставил как режиссер фильма «С тобой и без тебя», «Враги», «Телепат», три серии из сериала «Убойная сила» и телесериал «Русские в Городе ангелов». С 1989 года живет и работает в США. Основал свою кинокомпанию «R.G.I.». Президент Фонда помощи больным детям России, основанного в 1993 году. Жена Наташа Шляпникова (Шляпникова) — русская американка, кинопродюсер. Дочери — Анна и Маша (в России), приемная — Катя. Звания: лауреат Госпремии РСФСР, народный артист РСФСР.

Мои года — мое богатство: на творческом вечере в честь собственного 60-летнего юбилея (2004 г.)

ношение к европейскому кино. Там считают, что оно непременно затянуто и занудно. Для них же важен динамичный темп действия.

— Как же вам удалось заманить в телесериал «Русские в Городе ангелов» таких звезд, как Эрик Робертс, Шон Янг, Гэрри Бьюзи, Лейн Дэвис?

— Это все Наташа. Она продюсер, долгое время работала на телевидении, со многими знакома. По своим каналам она связалась непосредственно с актерами, нашла к ним правильный подход, потому что просто деньгами их не соблазнишь. Актеры ведь — это народ не технический, их может снести ветром в любую сторону, чувствительные они очень.

— Ваши персонажи, достаточно вспомнить кинооператора Потопкого из «Рабы любви» или летчика из «Торпедоносцев», мужественные, отважные люди. Таких в наши дни называют модным словом мачо. Так что про вас нельзя сказать, что вы прославились слабохарактерными ролями. Но многие считают, что профессия актера не мужская, ведь все время приходится подчиняться диктату режиссера.

— Этот вопрос меня волновал 30 лет назад. Тогда я практически забросил актерскую карьеру в самый расцвет именно потому, что чувствовал в этой профессии что-то не очень мужское. Сейчас я так не считаю, потому что снимаю как режиссер и продолжаю сниматься как актер. Харрисон Форд наверняка не считает себя уязвленным, униженным, потому что работает с режиссерами. На высоком профессиональном уровне все эти вещи отпадают.

— Почему вы стали режиссером? Вам захотелось самому руководить процессом, нравилось командовать?

— Нет, нет, нет. Я просто вырос из актерской профессии. Я видел, как делается сцена, движется камера, ставится свет, и мне было интересно не просто

играть, а воссоздавать самому этот мир. Мне казалось, что я знаю некоторые вещи, которые дают мне основание делать фильмы. А бывают великие актеры, которые и не собираются лезть в режиссуру, ведь все же это другая профессия.

— В советское время у вас была безумная популярность. Открытки с вашим изображением расходились миллионными тиражами. Трудно было растаться с такой славой, ведь в Америке вас практически никто не знал?

— Действительно, слава была такая, что просто пройти по улице было невозможно. Это интересно, но я нисколько не жалел об ее уходе. Не могу сказать, что мне не нравится, когда меня узнают, но в то же время мне это не так уж важно.

— Забавно, но в ваших ранних фильмах вас частенько красили в блондина. Чем обоснована была такая кардинальная смена имиджа?

— Это Михалкова надо спросить, он же «Рабу любви» снял. И в «Торпедоносцах» меня блондином сделали. Может, потому что у меня черные волосы, а пленка тогда была советская, «Свема» Шосткинского комбината. И поэтому в тених она не прорабатывалась. Темные волосы смотрелись на экране просто шапкой на голове. Сейчас все вокруг снимают на «Кодак», а он вытягивает любые нюансы, так что в краске уже нет смысла.

— Вы легко шли на изменения своей внешности?

— Я в свое время играл Ленину, а для этой роли меня так перелопатили, что мама родная не узнала. Волосы сбрили, брови удалили, в нос вставили пробки, на веки наклеили вату, чего только не делали.

— Вы сыграли Ленина совсем молодым, наверняка тогда еще свято верили в коммунистические идеалы.

— Когда начались съемки, мне было всего 19 лет, конечно, разве я мог отказаться от

этой роли! Думаю, что и сейчас любой приличный артист согласился бы сыграть Ленина, потому что играть историческую личность всегда интересно. Ведь это особые люди, непохожие на тебя, интересно ведь прочувствовать, как они мыслили в предлагаемых обстоятельствах. Для моей мамы, которая в годы войны была подпольщицей, моя работа над образом Ленина была большой радостью. Это было как раз незадолго до ее смерти. И то, что сын добился такой роли, такого признания, такого успеха, было ее победой над жизненными обстоятельствами. Это меня тоже очень поддерживало. Ведь все не так-то просто было. Шла середина 60-х. К Ленину уже относились весьма критически, никто уже не принимал бездумно его идеи. Моя мать пострадала за свои политические высказывания. Она была упрямая в психиатрическую лечебницу на Украине, и мне пришлось ее срочно оттуда высвобождать. Тогда мне казалось, что она напрасно себя убивает, пытается бороться с ветряными мельницами. Несмотря на свой юный возраст, я относился ко всему этому с цинизмом, считал, что глупо со стороны матери писать в Центральный комитет партии по поводу ошибок, которые были допущены в самом начале советской власти.

— Вы и сейчас аполитичны? Для многих участие в политической жизни страны стало чуть ли не главным развлечением.

— Для того чтобы в ней участвовать, надо, чтобы тебя выбрали, а это совсем незнакомая для меня область. Я даже не знаю, болото ли это, или родниковая вода, или потоки грязи. Я далек от политики и боюсь входить в это. Самое мое большое развлечение, как было с детства, так и осталось до сих пор, — это чтение. Оно примиряет меня с жизненными проблемами. Тут я могу забыть все, что душа просит: или

философию, или детектив. Раньше я еще любил сочинять музыку, писать песни, но это уже ушло. А еще у нас есть две собаки. Одна, доберман Омар — большой артист, он снимался в «Русских в Городе ангелов». Я его сюда привез. Другая, маленькая собака, осталась с Наташей в Америке, но она ее тоже скоро привезет. Я люблю с ними прогуливаться.

— Помните ли, когда в последний раз танцевали?

— Мы с Наташей иногда ходим в русский ресторан, где чувствуем себя комфортно, где можно потанцевать, развлечься. У русских так принято: где пьют, там и танцуют. В американских ресторанах этого нет. А на дискотеку в клуб, думаю, уже даже дети мои не ходят.

— Знаю, что Маша, ваша родная дочка от актрисы Веры Глаголевой, одно время жила в США.

— Маша сейчас вернулась в Россию. Ей кажется, что здесь она может многое сделать, да и более интересно ей в своей

родной стране. И я ее понимаю. Она художник, хочет делать нечто необычное, и если ей здесь дают такой шанс, то надо за него хвататься. Аня, наша с Верой другая дочь, работает в Большом театре. Катя, дочь Наташи, — в Штатах. Она очень музыкальная, пишет свои песни, достаточно альтернативные, у нее хороший голос и слух, очень способная девочка.

— Вы так нежно говорите о своих детях. Знаю, что с маленьким трепетом вас заботят судьбы и чужих детей. Вот недавно я видела вас с Татьяной Друбич в качестве ведущих трогательной и одновременно острой программы «Путевка в жизнь».

— Это, на мой взгляд, одна из самых необходимых передач, которая заботится о детях, о нашем новом поколении. Потому что, с одной стороны, все вроде знают, что наши дети в беде — беспризорность, проституция, наркомания, но в то же время мы не хотим, чтобы нас это сильно тревожило. Не-

сколько снятых шоу «Путевки в жизнь» отвергали на наших главных каналах. У них есть страх, что на общем радостном и позитивном фоне их телевизионной сетки эта программа будет выделяться как слишком тревожная, беспокойная. Но, мне кажется, она и должна беспокоить. И эта боль за детей, за бездействие государства не негативная, она позитивная. Ведь в каждой программе мы старались помочь конкретному ребенку, найти выход из конкретной ситуации. Если вы знаете, я и моя жена Наташа уже давно занимаемся детскими проблемами. Мы реально помогаем детям с врожденным пороком сердца, привозим их в Штаты, если нужна операция, оказываем помощь здесь, привозя группы самых лучших американских кардиохирургов.

— Почему вдруг у вас возникла идея организовать Фонд помощи больным детям России?

— У шестимесячной дочки моего знакомого нашли врожденный порок сердца. Он обратился ко мне за помощью. Наташа после его ночного звонка тут же обратилась к американскому доктору, знаменитому кардиохирургу, и попросила его помочь. Он согласился. Так мы начали потихонечку этим заниматься: сначала одной девочке помогли, потом нам стали присылать фотографии, истории болезней других детей, нам стали верить, от нас стали ждать чуда. Мне казалось, что это в какой-то степени мой ответ за то, что меня нет здесь, в России. К тому же в детстве у меня самого были накладки с сердцем, но все вроде прошло само собой. И потом помог энтузиазм моей жены, которая удивительно добрый человек. Она просто не может пройти мимо беды, обязательно вмешается, постарается помочь. Постепенно так у нас образовался круг знакомых врачей, клиник, с нами вели дело и в Нью-Йорке, и в Сан-Франциско, и в Лос-Анджелесе. У нас очень хорошие контакты и здесь, в Бакулевском центре сердечно-сосудистой хирургии, я дружу с Лео Боке-рия. Мы и сейчас продолжаем наше дело. Мы с Наташей никогда особо не освещали деятельность нашего фонда. Это просто нескромно. Но, если говорить о программе «Путевка в жизнь» и о темах, которые она поднимает, то люди должны знать об этом. Нужен рупор — телевидение, радио, газеты, — чтобы достучаться до властных структур.

